

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-1-157-195

Е.В. Хахалкина, В.С. Дзюба*

ЛОКАРНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ 1925 Г. В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ: ВЗГЛЯД ИЗ ЛОНДОНА

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»
634057, г. Томск, пр. Ленина, 36*

В данной статье предпринимается попытка по-новому взглянуть на роль и значение Локарнских соглашений 1925 г. с точки зрения развития Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. В этой связи выдвигается гипотеза о том, что Локарнские договоры оказались одним из по-настоящему поворотных моментов в развитии международного порядка после Первой мировой войны, не просто выступив в качестве надстройки Версальской системы, но, по сути, заменив ее в роли основного механизма поддержания безопасности в регионе. С целью проверить эту гипотезу авторы постарались вписать данные соглашения в контекст дискуссий вокруг проблем европейской безопасности, развернувшихся в 1920-е годы, для того чтобы оценить, как сами современники трактовали роль и значение Локарнских договоров. В этой связи особый интерес представляет обращение к изучению взглядов британских элит.

Именно британская дипломатия выступила главным архитектором Локарнской конференции 1925 г. Новизна данной статьи обусловлена обращением к широкому кругу недавно рассекреченных архивных документов, которые в совокупности с материалами дебатов в Палате общин и публикациями ведущих британских газет позволяют про-

* *Хахалкина Елена Владимировна* — доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (e-mail: ekhakhalkina@mail.ru); *Дзюба Владислав Сергеевич* — магистрант 2-го года обучения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (e-mail: vlad1996tomsk@gmail.com).

следить эволюцию подходов основных политических партий Великобритании к проблемам безопасности в Европе. Сопоставление взглядов консерваторов и лейбористов на Женевский протокол и Рейнский гарантийный пакт позволяет сделать вывод о том, что к середине 1920-х годов в британских политических элитах утвердилось представление о необходимости качественной трансформации Версальского порядка, прежде всего через создание эффективного механизма поддержания международной безопасности. На этой основе установился своеобразный партийный консенсус, который стал важным этапом в процессе утверждения новой двухпартийной связки (тори-лейбористы) после Первой мировой войны.

Исследование начинается с обзора общей политической ситуации в Европе и Великобритании в начале 1920-х годов. Затем рассматривается проект Протокола о разоружении, выдвинутый лейбористами, и анализируются причины его провала. Наконец, авторы подробно освещают подготовку и ход переговоров в Локарно, а также отдельно останавливаются на обсуждении результатов конференции, а именно ее главного документа — Рейнского гарантийного пакта — в нижней палате британского парламента.

Ключевые слова: Локарнская конференция 1925 г., Великобритания, Франция, германский вопрос, Женевский протокол, Рейнский гарантийный пакт, Версальско-Вашингтонская система, арбитраж, разоружение, умиротворение.

В ноябре 1918 г. закончилась Первая мировая война, не имевшая аналогов в истории ни по своим масштабам, ни по своим результатам. В июне 1919 г. был подписан Версальский мирный договор, подводивший итоги этой войны. Согласно договору прекращали свое существование Германская и Австро-Венгерская империи, а вместе с ними и их военная мощь. На Германию налагались огромные репарации, а ее армия сокращалась до 100 тысяч человек. Помимо этого проводилась демилитаризация Рейнских областей.

Версальский мирный договор был основой послевоенных отношений между Германией и странами Антанты. Он заключал в себе как достоинства, так и недостатки. Безусловным плюсом для победителей была нейтрализация такого мощного противника, как Германская империя, что давало основания надеяться на недопущение нового большого военного конфликта в центре Европы. Важным достижением стали создание международного института, Лиги Наций, и внедрение в жизнь его механизмов посредством того же Версальского мира. Эти успехи перевешивали недостатки системы: у договора не было стабильных гарантов его исполнения

и он носил компромиссный характер. Великобритания, участвуя в «наказании» Германии, не давала Франции полностью нейтрализовать ее как великую державу. Это означало, что лишь взаимная заинтересованность Франции и Великобритании в отпоре потенциальному агрессору могла в полной мере обеспечить исполнение условий мирного соглашения. Договор стал причиной новых территориальных претензий со стороны Германии, прежде всего к своим восточным соседям — Польше и Чехословакии. Потенциальной «пороховой бочкой» были отторгнутая от Германии Восточная Пруссия и населенная немцами Судетская область, находившаяся ранее в составе Австро-Венгерской империи и насильно присоединенная по Сен-Жерменскому договору к Чехословакии. Такое положение дел не соответствовало интересам германских правящих кругов, настроенных на пересмотр Версальского договора.

В мировой историографии уже достаточно подробно изучены перипетии складывания новой системы международных отношений, причины ее быстрого банкротства и реваншизма «изгоев». В то же время сравнительно меньшее внимание уделено попыткам великих держав придать системе устойчивый характер, надстроить ее отдельными инициативами в области европейской безопасности. К таковым, в частности, относится сюжет, связанный с подписанием Рейнского гарантийного пакта на Локарнской конференции 1925 г. У отечественных историков длительное время не было доступа к материалам, проливающим свет на выработку правительственного курса Великобритании в этот период. Появление в открытом доступе значительного массива источников в связи с оцифровкой Национального архива Великобритании совпало с рассекречиванием и введением в научный оборот более поздних материалов, которые на время отвлекли внимание ученых.

Среди тех отечественных авторов, которые с разной степенью внимания отреагировали на обозначенный сюжет, следует назвать И.Э. Магадеева, О.А. Аршинцеву, С.В. Демидова [Магадеев, 2012; Аршинцева, 2015; Демидов, 2017]. Они рассматривают Локарно или как попытку стабилизации Версальской системы, или как ее модификацию, приведшую к созданию новых условий безопасности в Европе, отличающихся от таковых по Версальскому договору. В качестве наиболее значимой для данной статьи работы следует выделить труд И.Э. Магадеева, в котором проводится мысль о том, что хотя в результате Локарнской конференции не произошло отмены Версальского мирного договора, состоялся фундаментальный пересмотр прежнего режима безопасности; автор даже вводит понятия

«Версальский» и «Локарнский» режимы безопасности. Последний он рассматривает как существенную модификацию Версальской системы, а не как ее простое продолжение [Магадеев, 2012: 201–205, 209]. В то же время автор не опровергает привычную нам терминологию теории международных отношений, связанную с этим периодом, и не называет новую конструкцию Локарнской системой международных отношений, предпочитая оставаться в рамках понятийного аппарата «режимов безопасности».

К более традиционному подходу в изучении темы Локарнских соглашений можно отнести работы О.А. Аршинцевой. В ряде своих трудов она также обращает внимание на достаточно высокую значимость соглашений Локарно, однако видит в них результат внутреннего развития Версальской системы, в чем, по ее мнению, проявились устойчивость и жизнеспособность заложенных в ней принципов. Таким образом, Локарнские соглашения, согласно О.А. Аршинцевой, являются пунктом окончательного оформления Версальского миропорядка [Аршинцева, Глушков, 2005: 10]. С.В. Демидов, затрагивая тему Локарнских соглашений, пишет о них как о факторе стабилизации послевоенной системы и политическом дополнении «плана Дауэса». Однако автор не выносит достигнутые в Локарно результаты в какую-либо отдельную от Версальской систему, тем самым не противореча традиционному для этого периода подходу [Демидов, 2017: 104–106]. Схожей точки зрения придерживаются в недавно изданной фундаментальной работе Н.К. Капитонова и Е.В. Романова, для которых Локарно в первую очередь представляет собой средство интеграции Германии в созданный европейский и мировой порядок [Капитонова, Романова, 2016: 337–339].

Работы зарубежных исследователей по указанным сюжетам можно условно разделить на две группы. В рамках первой акцент делается на особенностях генезиса Локарнских соглашений, детально разбирается вся закулисная борьба политиков по вопросам европейской безопасности. В исследованиях второй группы акцент смещается на изучение места Локарнской конференции и ее результатов в общей системе послевоенного устройства в Европе. Стоит отметить, что внутри второй группы нет единого мнения о соглашениях; авторы рассматривают Локарно с применением различной терминологии и с разных ракурсов.

К первой группе можно отнести таких авторов, как Г. Джонсон и А. Тимме [Johnson, 2000a, 2000b; Thimme, 1956]. Британская исследовательница Г. Джонсон в своих работах детально разбирает обстоятельства возникновения соглашений и особенно глубоко рас-

смачивает роль посла Великобритании в Берлине лорда Д'Абернона, делая выводы о том, что конференция стала скорее результатом успешной двойной политики Германии по лавированию между западными державами и Советским Союзом для преодоления тяжелого послевоенного положения [Johnson, 2000a: 223–224]. Специалист из Германии А. Тимме также делает упор на дипломатическую борьбу, из рассмотрения которой выводит мысль о том, что Локарнские соглашения стали результатом ревизионизма Г. Штреземана и в целом немецкой дипломатии [Thimme, 1956: 63]. Отметим, что обе исследовательницы, признавая значимость конференции и ее результатов, не дают детальной оценки ее места в трансформации Версальского порядка.

Ко второй группе, представляющей для нас особый интерес, можно отнести таких историков, как Дж. Якобсон, Дж. Райт, Н. Вайс, З. Стейнер [Jacobson, 1972a, 1972b; Wright, 2010; Weiß, 2006; Steiner, 2005]. Американский ученый Дж. Якобсон оценивает Локарнскую конференцию как окончательное подведение итогов Первой мировой войны, подчеркивая фундаментальный сдвиг по отношению к Версальскому договору за счет возвращения Германии статуса равноправной стороны на переговорах. По результатам конференции, согласно Дж. Якобсону, можно говорить о возврате немецкого государства в клуб великих держав, но с теми же претензиями на влияние в Европе, что и до войны [Jacobson, 1972a: 68, 81].

Британский историк Дж. Райт в одной из своих работ трактует конференцию в Локарно как разрядку в международных отношениях в Европе в середине 1920-х годов и подчеркивает институциональный характер комплекса Локарнских договоренностей, называя их «междемократическим институтом безопасности» [Wright, 2010: 399–400, 410]. Н. Вайс, немецкий историк и юрист, признавая, что Локарно символизировало фундаментальный сдвиг в сторону политики умиротворения, рассматривает комплекс заключенных соглашений как важнейший этап интеграции институтов Лиги Наций в реальную политику, что, безусловно, было большим шагом в развитии межгосударственных отношений того времени [Weiß, 2006: 116]. Британская исследовательница З. Стейнер в свою очередь считает, что Локарнский комплекс договоров был достаточно успешен и выгоду вынесли все участники конференции, кроме восточных соседей Германии. Однако она отмечает, что именно Берлин достиг самых больших успехов на конференции, так как вернулся в стан западных великих держав и де-факто обеспечил согласие победителей в войне на переход к мирной ревизии Версальского договора. В целом же

оценка автором достигнутых на конференции в Локарно соглашений сводится к констатации их слабости в долгосрочной перспективе в силу фундаментальных противоречий между Францией и Германией [Steiner, 2005: 408, 415].

Отдельно в данной группе следует выделить работы современников конференции. Обращаясь к научно-публицистической литературе того времени, стоит рассмотреть статью Э. Бенеша. Чехословацкий политик позитивно оценивал вклад заключенных договоров в дело предотвращения новых военных конфликтов и видел в достигнутых результатах закономерный итог трехлетней борьбы внутри Лиги Наций за создание работающей системы безопасности. Подчеркивая фундаментальный характер достигнутых соглашений, он использовал словосочетание «Локарнский мир» (Peace of Locarno), что ставило в его глазах Рейнский гарантийный пакт и арбитражные договоры на один уровень по значимости с Версальским договором¹. Г. Веберг, главный редактор журнала «Friedens-Warte» и теоретик международного права, считал, что Локарнские соглашения открыли новую эпоху во взаимоотношениях между странами, весьма позитивно оценивая роль и влияние Лиги Наций в новых договоренностях². Другой современник конференции, М. Буркен, бельгийский юрист и дипломат, активно работавший при Лиге Наций, оценивал заключенные в Локарно договоры как продуманный шаг, направленный на обеспечение мира в Европе³.

Такая широкая палитра мнений и оценок результатов Локарнской конференции недвусмысленно говорит о необходимости дальнейшего изучения данной проблематики. В рамках этой статьи выдвигается гипотеза о том, что Локарнские договоры оказались одним из поворотных моментов в развитии международного порядка после Первой мировой войны, выступив не только в качестве надстройки Версальской системы, но, по существу, заменив ее в роли основного механизма поддержания безопасности в регионе. Для того чтобы проверить эту гипотезу, представляется целесообразным более подробно рассмотреть предысторию Локарнских соглашений, вписав их в контекст дискуссий вокруг проблем европейской безопасности,

¹ Beneš E. After Locarno: The problem of security today // Foreign Affairs. 1926. Vol. 4. No. 2. P. 205, 207.

² Wehberg H. Der Friedenspakt von Locarno // Die Friedens-Warte. 1925. Vol. 25. No. 11. P. 324.

³ Bourquin M. Streiflichter zum Rheinpakt von Locarno // Die Friedens-Warte. 1935. Vol. 35. No. 6. P. 269–270.

развернувшихся в 1920-е годы, и присмотреться к тому, как сами современники оценивали роль и значение данных договоров. В этой связи особый интерес представляет обращение к изучению взглядов британских элит.

На пути к модернизации Версальской системы

Непрочность Версальской системы была одной из ключевых проблем внешнеполитической повестки Парижа и Лондона в начале 1920-х годов. Интенсивные переговоры по поводу изменения условий и гарантий выплат репараций начались сразу же после подписания Версальского договора. Особое значение как для британской, так и для французской дипломатии имел вопрос послевоенного существования Антанты. Французские лидеры были крайне заинтересованы в том, чтобы получить гарантии военной помощи на случай нового конфликта с Германией.

В январе 1922 г. после конференции Верховного совета Антанты в Каннах, на которой обсуждались вопросы безопасности в Европе, в одной из личных бесед с французским главой правительства Р. Пуанкаре премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж признавал важность гарантий французских границ для безопасности Лондона: «В проекте договора [с Германией. — *Е.Х., В.Д.*] особо отмечен “общий” интерес Франции и Великобритании в безопасности первой, поскольку Германия может добраться до Англии только через Францию»⁴. В ответ на это Р. Пуанкаре, пользуясь ситуацией и пытаясь добиться от Великобритании конкретных гарантий по размерам военной помощи Франции, приводил следующие аргументы: «Германия может построить подводные лодки, или разработать дальнобойную артиллерию, или создать большие воздушные силы, которые станут ночным кошмаром для Британии»⁵.

В действительности Д. Ллойд Джордж понимал, что любые конкретные обязательства Лондона перед Парижем потенциально могут связать Великобританию руки на континенте и способствовать укреплению французского влияния в Европе, поэтому не спешил с решением данного вопроса.

Проблемы союзнических обязательств и безопасности франко-германской границы пытались решать и преемники Д. Ллойда

⁴ National Archives of United Kingdom (NAUK). Cabinet Papers (CAB) 24/132. Note on the conversation held at the British Embassy. 14.01.1922 // The National Archives. Available at: <https://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab24-interwar-memoranda.htm> (accessed: 02.09.2020).

⁵ *Ibidem*.

Джорджа. Так, в мае 1924 г. во время переговоров с бельгийскими политиками Дж.Р. Макдональд, первый в истории премьер-министр от Лейбористской партии, отметил беспокойство Франции о своем будущем и сложность ее позиции после победы над Германией: «Французы заявили, что очень нервничают, и, возможно, это справедливо, потому что для них существует потенциальная угроза от восстановившейся и окрепшей Германии с населением в два раза больше [чем у Франции. — *Е.Х., В.Д.*]»⁶.

Внешняя политика лейбористов на европейском направлении действительно в значительной степени была завязана на Париже. В свою очередь острота вопросов безопасности западных границ Франции и германских репарационных выплат вынуждала Париж постоянно давить на лондонских политиков, пытаясь как можно быстрее достичь какого-либо приемлемого результата по этой проблеме. Так, французская сторона настаивала на включении механизмов безопасности в «план Дауэса». Однако Дж.Р. Макдональд считал, что следует развести эти сферы: «С величайшим трудом Правительство Его Величества добилось полного исключения подобных вопросов из обсуждения “плана Дауэса”, и несомненно, что французы согласились на этот нежелательный вариант, понимая, что как только “план Дауэса” вступит в силу, начнутся дискуссии о долге [межсоюзническом. — *Е.Х., В.Д.*] и безопасности»⁷. Уже после определения основных условий плана по репарационным выплатам Дж.Р. Макдональд дал свое согласие на скорое начало работы по решению проблемы безопасности, что было изложено в совместном франко-британском меморандуме перед Лондонской конференцией 1924 г.: «Оба правительства также приступили к предварительному обмену мнениями по вопросу о безопасности. Они осознают, что общественное мнение требует умиротворения; они соглашаются сотрудничать в разработке через Лигу Наций или иным образом, когда представится возможность, средств обеспечения этого и продолжать рассмотрение данного вопроса до тех пор, пока проблема общей безопасности не будет окончательно решена»⁸.

⁶ Ibid. CAB 24/166. Notes and conversations held at Chequers on the evening of May 2 and the morning of May 3 between M. Theunis, the Belgian Prime Minister, M. Humans, the Belgian Minister for Foreign Affairs, Mr. Ramsay MacDonald and Sir Eyre Crowe. 03.05.1924.

⁷ Ibid. CAB 24/168. Foreign Office. Memorandum on the Necessity of the Early Consideration of the Question of French Security. 09.11.1924.

⁸ Ibid. CAB 24/167. Franco-British Memorandum of July 9, 1924, concerning the Application of the Dawes Scheme. 09.07.1924.

Уже после осенних выборов в парламент и до формирования нового правительства внутри Форин Офис шли активные обсуждения дальнейшей судьбы вопроса о гарантиях для Франции. Сотрудники внешнеполитического ведомства подчеркивали хрупкость послевоенного устройства и остроту проблемы безопасности: «С приходом к власти нового правительства необходимо обратить внимание на один вопрос, который, хотя и временно ушел с повестки, несомненно, будет поднят в самом ближайшем будущем и, вероятно, станет одним из самых важных, если не самым важным, вопросом во внешней политике, с которым придется иметь дело новому правительству. Это вопрос французской безопасности <...> каковы бы ни были мнения о желательности или нежелательности заключения пакта о гарантиях с Францией, не может быть никаких сомнений в том, что значительная часть проблем последних пяти лет связана с невыполнением договоров о гарантиях, подписанных этой страной, Соединенными Штатами и иными, причастными к Версальскому договору»⁹.

Дисфункция Версальской системы безопасности дополнялась проблемой образовавшегося военно-политического вакуума в центре Европы после разгрома Германской империи, на заполнение которого начала претендовать Франция. Для укрепления своего положения на континенте Париж охотно использовал любые подозрения в уклонении Германии от соблюдения условий Версальского мира, даже если оно оказывалось объективно проблематичным, как в вопросе репараций. Такая политика Франции вынуждала Лондон постоянно «держатъ руку на пульсе», чтобы не допустить чрезмерного влияния Парижа в Европе [Портнягин, 2009: 166].

Решение этих вопросов требовало от британского истеблишмента серьезных усилий и терпения, в то время как обстановка в самой Великобритании не благоприятствовала активной внешней политике. Период после Первой мировой войны был связан с кардинальными изменениями в ее положении на мировой арене. С одной стороны, как победительнице в войне ей удалось расширить свою империю за счет раздела германских и османских владений; был нейтрализован блок враждебных ей держав. С другой стороны, страна столкнулась с рядом кризисных явлений, порожденных невиданными экономическими и людскими потерями в годы войны [Bourne, 1989: 178]. К тому же Великобритания вышла из нее с огромными долгами,

⁹ Ibid. CAB 24/168. Foreign Office. Memorandum on the Necessity of the Early Consideration of the Question of French Security. 09.11.1924.

достигшими почти четверти ее национального богатства. Внешняя торговля — традиционный источник доходов — также находилась в состоянии кризиса, в том числе из-за перехода США и части доминионов к протекционистской политике [Сагимбаев, 2018: 45–58]. На этом фоне Лондон был вынужден пойти по пути сокращения военных расходов и численности своих вооруженных сил, что создавало определенные проблемы для империи; трудности коснулись и совместных оборонительных программ с доминионами [Matzke, 2011: 217]. Начался закат эпохи Pax Britannica; суть этого «Британского мира», по мнению американского историка П. Шрёдера, заключалась в обеспечении мирового порядка вне Европейского континента на основе глобального морского доминирования [Schroeder, 1996: 401].

Проблемы Лондона были связаны также с изменениями в имперской политике в период войны и в послевоенные годы, когда доминионы стали обретать большую самостоятельность, а в колониях ширилось национально-освободительное движение. Эти процессы вели к модернизации отношений внутри империи в сторону конфедерации или содружества. В менявшихся условиях требовалось как можно быстрее урегулировать франко-германские противоречия, угрожавшие безопасности в Европе, сохранив при этом собственные интересы и свободу действий для решения задач в колониальной сфере [Cohrs, 2006: 12, 20–29].

В этой ситуации наиболее целесообразным для Лондона был возврат к политике «силового равновесия», которая заключалась в сдерживании роста влияния какой-либо одной державы [Богатуров и др., 2002: 148–149]. Такая традиционная для британской дипломатии установка открывала широкие возможности для политического и военного маневрирования в целях сохранения «свободных рук» и интересов Британской империи. Этому способствовало и сближение позиций по вопросам внешней политики ключевых британских партий, наблюдавшееся в рассматриваемый период.

Основы внешнеполитических идей Лейбористской партии сформировались еще во время Первой мировой войны, когда она ратовала за создание организации, которая выступала бы в качестве регулятора между государствами [Сагалова, 2012: 199–200]. Эта идея оставалась стержнем внешнеполитической программы лейбористов и после 1918 г.

Однако создание Лиги Наций вызвало разочарование в партии, так как новый институт оказался достаточно слабым и ограниченным и к тому же не соответствовал желаемому принципу равенства всех народов, ведь Совет Лиги де-факто был Советом Антанты. Эти сооб-

ражения и необходимость стабилизировать послевоенный порядок стали триггером для самого амбициозного шага лейбористского правительства в 1924 г. — совместного с Францией предложения проекта Женевского протокола на Ассамблее Лиги Наций 2 октября 1924 г., целью которого было существенное усиление Лиги как регулятора международных отношений [Системная история международных отношений, 2006: 162].

При этом стоит отметить, что среди лейбористов не было единства по вопросам внешней политики и международной безопасности. Помимо разделения на радикалов-пацифистов (Дж. Лэнсбери и другие) и умеренных лейбористов наблюдались существенные разногласия и между лидерами последних, Дж.Р. Макдональдом и А. Гендерсоном. В то время как А. Гендерсон был сторонником скорейшей модернизации Лиги Наций посредством правовых инструментов и прикладывал большие усилия для продвижения принципов разоружения, безопасности и арбитражей, Дж.Р. Макдональд относился с осторожностью и даже недоверием к изменениям в этом направлении, отдавая предпочтение работе над развитием «духа интернационализма» в международных отношениях [Winkler, 1994: 145–146]. Помимо его личных взглядов во время премьерства на него давили многочисленные государственные служащие из военных министерств, всё больше убеждая его в необходимости более прагматичной внешней политики. Несмотря на недовольство Дж.Р. Макдональда проектом Женевского протокола, необходимость решать назревшие вопросы послевоенного устройства Европы и приверженность многих членов партии достаточно идеалистическим взглядам вынудили его поддержать этот документ [Winkler, 1994: 131, 145–147].

В силу ряда объективных факторов, таких как отмеченные выше экономические проблемы, усиление влияния лейбористов и в целом среднего класса, распространение идей пацифизма и нежелание доминионов тратить силы на европейские дела [Kennedy, 1985: 247–248], основные противники Лейбористской партии — консерваторы — не могли занимать диаметрально противоположную позицию по отношению к внешнеполитическому курсу правительства Дж.Р. Макдональда. Неприязнь к войне была свойственна теперь как избирателям консерваторов, так и электорату лейбористов. В этой связи, хотя идея Лиги Наций была основным стержнем политики Лейбористской партии, она все же находила искреннюю поддержку среди некоторых консерваторов (например, лорд Р. Сесил), и руководство последних было вынуждено считаться с популярностью

Лиги среди британцев. Наконец, в послевоенных условиях обе партии должны были придерживаться политики снижения военных расходов [Kennedy, 1985: 239–243]. В целом фундаментальные противоречия у консерваторов могли возникнуть скорее лишь с радикальным крылом лейбористов, в остальном речь могла идти о способах реализации тех или иных общих взглядов, прежде всего в том, что касалось размера военных и политических обязательств Лондона в Европе.

Но всё же консерваторы были более скептически настроены в отношении необходимости заключения каких-то универсальных соглашений в области безопасности. Министр иностранных дел в консервативном правительстве О. Чемберлен в 1925 г. открыто говорил на заседаниях кабинета министров о несостоятельности послевоенного мирового устройства и самой концепции Лиги Наций: «После наполеоновских войн первыми задачами правительства Британской империи были восстановление Европы посредством идеи “концерта великих держав” и определение места в этой системе для Франции после реставрации. Государственные деятели, собравшиеся в Версале, взяли на себя более амбициозную задачу. Они попытались заменить “концерт великих держав” уже всемирным альянсом. К несчастью, их схема была с самого начала нерабочей из-за выхода из нее США и невключения в нее России. Но есть и другая причина, по которой гарантии мира, предусмотренные Уставом [Лиги Наций. — *Е.Х., В.Д.*], считались недостаточными в Версале и оказались недостаточными по сей день: это сомнения, что государства, не затронутые причиной конфликта и судьбой спорящих, будут подвергать себя всем неудобствам и тяготам, возникающим при вмешательстве в конфликт»¹⁰.

У членов Консервативной партии не было идеологических установок, которые бы вступали в открытый диссонанс с реальной политикой, как у лейбористов (принципы интернационализма), и они могли позволить себе более резкую критику в отношении расширения роли и функций международных институтов, указывая, что это сопряжено с чрезмерными военными рисками для страны. В частности, они отмечали, что надежда на добрую волю иностранных политиков и на их желание жить в мире без войны является весьма опрометчивым и опасным подходом к международным отношениям. С их точки зрения, Великобритании не стоило брать на себя какие-либо обязательства в регионах, не входивших в сферу

¹⁰ Ibid. CAB 24/172. British Foreign Policy and Problem of Security. 26.02.1925.

ее преимущественных интересов, а тем более рисковать жизнями британских солдат.

Схожие внешнеполитические взгляды исповедовала Либеральная партия. Потеряв к середине 1920-х годов былую политическую силу и уступив лидирующие позиции лейбористам, она на выборах в октябре 1924 г. заняла третье место и получила 40 мандатов в Палате общин, что позволяло ей, объединяясь с другими политическими силами, по-прежнему иметь определенный вес. Как правило, либералы в своих оценках и решениях были близки к тори. Например, во время дебатов по Рейнскому гарантийному пакту бывший премьер-министр от либералов Д. Ллойд Джордж поддержал тори, призывавших не поднимать в Локарно вопросы разоружения¹¹. В целом взгляды и установки основных парламентских партий на тот момент демонстрировали движение к центристским позициям, как того требовала необходимость быть понятыми избирателями [Kennedy, 1985: 237].

От Женевского протокола к подготовке и проведению Локарнской конференции

Последний тезис наглядно подтверждается обсуждением так называемого Женевского протокола. В основе его лежала идея о предотвращении военных конфликтов с помощью Лиги Наций. Например, в ст. 4 протокола предусматривалось введение международного арбитража. Подразумевалось, что в случае любых споров между государствами стороны конфликта направят запрос в арбитраж Лиги Наций и позже подчинятся его решению¹². В протоколе давалось подробное определение страны-агрессора (таковым признавалось государство, отказавшееся от передачи спора в арбитраж Лиги и развязавшее после этого военные действия), по отношению к которой должны были применяться как экономические, так и военные санкции [Коростелев, 2010: 89].

Другим важным предложением были изложенные в ст. 11–13 протокола идеи, представлявшие собой попытку поставить под контроль Лиги Наций применение военной силы как таковой. На-

¹¹ HANSARD. Parliamentary Debates. House of Commons (далее — HPDHC). 24.03.1925. Vol. 182. Col. 330; 18.11.1925. Vol. 188. Col. 452 // HANSARD 1803–2005. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/24/geneva-protocol>; <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/nov/18/treaty-of-mutual-guarantee> (accessed: 02.09.2020).

¹² Geneva protocol 1924. Article 4 // refworld.org. UNHCR, 2020. Available at: <https://www.refworld.org/docid/40421a204.html> (accessed: 07.08.2020).

ряду с финансовыми санкциями определялась процедура силового воздействия на государства, совершившие акты военной агрессии в отношении других стран¹³. Для этого члены Лиги могли добровольно согласиться на исполнение наложенных на агрессора санкций и оказать на него воздействие с помощью своих вооруженных сил. Существенным было то, что Лига Наций, согласно протоколу, брала бы на себя ответственность решать, против какого государства можно вести войну, а против какого — нет, т.е. Совет Лиги де-факто давал бы как юридическую санкцию на военные действия, так и моральную. Отметим, что эти пункты вызывали особое недоверие у лидера лейбористов Дж.Р. Макдональда [Winkler, 1994: 147]. Действительно, такой подход мог потенциально привести к серьезным последствиям, например, если бы Франция расценила какие-то действия Германии в Рейнской зоне как агрессию. В таком случае Париж мог бы на абсолютно законных основаниях обратиться за помощью к своим союзникам, Польше и Чехословакии, для применения против Берлина военной силы. Подобный механизм мог лишить Великобританию возможности играть на противоречиях и занимать наиболее удобную позицию в политических и военных конфликтах.

Важной частью протокола было инициирование процесса разоружения, который в понимании умеренных лейбористов должен был стать неотъемлемой частью механизмов международного регулирования и соответственно повлечь за собой снижение военных расходов, что вызвало бы положительную реакцию у избирателей. Вопрос о разоружении был камнем преткновения в мировой политике 1920-х годов. После пережитых ужасов Первой мировой войны в общественном мнении многих стран появился запрос на сокращение оружия и затрат на него. Для французских политиков, однако, на первом месте стояла проблема безопасности, до решения которой они не могли всерьез говорить о сокращении вооружений [Duroselle, 1972: 753]. Вариантом решения этой проблемы рассматривалось в том числе усиление роли Лиги. Кабинеты Д. Ллойда Джорджа, Э. Бонар Лоу и С. Болдуина расходились с Францией в этом вопросе. Понимая важность дружеских отношений с Парижем, они считали нежелательным вступление в какие-либо обширные обязательства или союзы, так как это снижало бы степень «свободы рук» Лондона, а следовательно, и уровень безопасности.

Наличие среди лейбористов таких активных сторонников Лиги, как А. Гендерсон, толкало процесс переговоров по безопасности к

¹³ Ibid. Articles 11–13.

компромиссу. В случае принятия Женевского протокола удалось бы обеспечить безопасность Франции и ее союзников на востоке: согласно документу любые попытки изменения границ со стороны Германии военным путем делали ее страной-агрессором и становились поводом для военного «похода» всей Лиги против нее, что существенно снижало потенциал военной угрозы со стороны Берлина. Можно предположить, что авторы протокола, пытаясь дистанцироваться от каких-либо частных союзнических обязательств, хотели переложить требуемые Францией гарантии на Лигу Наций, и это в их понимании могло бы показаться менее обременительным для Лондона. Одновременно с этим удавалось бы начать процесс разоружения. Статья 17 протокола гласила: «Подписавшие государства обязуются участвовать в Международной конференции по сокращению вооружений, которая будет созвана Советом и соберется в Женеве в понедельник, 15 июня 1925 г. Приглашаются все другие государства независимо от того, являются ли они членами Лиги или нет...»¹⁴. Результаты обозначенной конференции могли иметь непредсказуемый характер, однако указание определенной даты и закрепление этой идеи в подписанном многими странами документе, безусловно, можно было рассматривать как шаг вперед в деле сокращения вооружений, что вызвало бы позитивный отклик общественности.

Со стратегической точки зрения в большей степени протокол был выгоден Парижу, который потенциально мог использовать его для дальнейшего давления на Берлин, чтобы не дать ему восстановить свою мощь и осуществить полную ревизию Версальского мира, в том числе пересмотреть границы на востоке. Именно поэтому Франция активно способствовала работе над Женевским протоколом и стала единственной из великих держав, подписавших его. На парламентских выборах в конце октября 1924 г. лейбористы, в целом симпатизировавшие проекту, потерпели поражение. Пришедшее к власти консервативное правительство во главе со С. Болдуином, считавшее Женевский протокол не вполне соответствующим национальным интересам страны, заблокировало его принятие. Документ по своей сути противоречил идеям тори о необходимости дистанцирования от военных и политических обязательств, тем более такого обширного масштаба, как в протоколе¹⁵.

¹⁴ Ibid. Article 17.

¹⁵ Ibid. Article 13.

Суть взглядов тори на безопасность в Европе на одном из заседаний кабинета министров в начале весны 1925 г. изложил занявший пост министра иностранных дел О. Чемберлен: «Вопрос о четырехстороннем соглашении между Францией, Германией, Великобританией, Бельгией и, если возможно, с согласием Италии о взаимной безопасности и о гарантии границ друг друга на западе Европы <...> может стать большей гарантией мира в Европе и привести к быстрому сокращению вооружений»¹⁶. О. Чемберлен считал, что следует делать ставку на конкретное соглашение по конкретному вопросу, при этом с ограниченными обязательствами: «Другими словами, чем более универсальна гарантия, тем больше сомнений в ее эффективности в любом конкретном случае. Может произойти так, что, например, британскому правительству придется столкнуться с Америкой из-за защиты польского коридора! А может произойти так, что Великобритании в любой момент придется пожертвовать жизнями и богатством британцев для защиты независимости балтийских государств!»¹⁷. Лондон не был заинтересован в том, чтобы подвергать свои военные и экономические силы риску из-за необходимости защищать границы Польши и Чехословакии от ревизии со стороны Германии, что тори считали неизбежным [Слепов, 2019: 214]. Примечательно, что частота упоминания слов «Польша» и «польский» в дебатах Палаты общин в 1925 г. была в разы меньше, чем, например, в 1920–1921 гг., — это свидетельствовало о снижении в Великобритании интереса к данной стране [Курганский, 2015: 96]. Приемлемым и необходимым на тот момент становилось соглашение о гарантии границ между Германией и Францией. По этому сценарию Великобритания как бы отодвигала свои границы от Ла-Манша к Рейну, не погружаясь в европейские дела слишком глубоко, сохраняя и баланс сил на континенте, и хорошие отношения с Парижем.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы: 1) Консервативная и Лейбористская партии сходились во мнении, что Версальская система продемонстрировала свою слабую жизнеспособность и ей требуется либо замена, либо надстройка; 2) обе партии, придерживаясь общих внешнеполитических принципов, состоявших

¹⁶ NAUK. CAB 23/49. Rough draft formula of security. 02.03.1925 // The National Archives. Available at: <https://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab23-interwar-conclusions.htm> (accessed: 02.09.2020).

¹⁷ Ibid. CAB 24/172. British Foreign Policy and Problem of Security. 26.02.1925 // The National Archives. Available at: <https://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab24-interwar-memoranda.htm> (accessed: 02.09.2020).

в сокращении военных расходов и ограничении обязательств, расходились в вариантах их реализации.

На другой стороне пролива в условиях Рурского кризиса и разногласий между Лондоном и Парижем по вопросам безопасности для Берлина открывались возможности выставить себя жертвой неоправданной агрессии и сыграть на противоречиях двух стран: Великобритании было необходимо как можно быстрее получить здоровую немецкую экономику для сбыта своих товаров и сокращения безработицы, в то время как Франция пыталась любой ценой добиться выплат по репарациям, даже если при этом происходило удушение промышленного потенциала Германии [Магадеев, 2014: 37–38].

Еще в конце 1923 г. США и Великобритания без консультаций с Парижем подписали с Германией договоры о предоставлении ей займов, что во многом было демонстративным выпадом против Франции. В Берлине, четко понимая, что Лондон не устраивает агрессивная политика Парижа по отношению к Германии, уже в сентябре 1924 г. озвучили предложение о готовности вступить в Лигу Наций, а 20 января 1925 г. в Лондон была направлена нота, в которой содержались предложения о гарантиях границ на Рейне [Graml, 2001: 25]. Позже британский посол в Берлине д'Абернон писал, что подобный пакт был бы крайне удобен Германии для спокойного возвращения себе территорий на востоке [Морозов, 2016: 85].

Несмотря на то что в своей риторике Берлин неоднократно использовал советский фактор, угрожая Франции и Великобритании превращением экономического сотрудничества с Москвой в полноценный политический альянс¹⁸, а может быть, и именно поэтому Лондон начал более внимательно относиться к возможности привлечения Берлина к урегулированию вопросов безопасности в Европе. Министр иностранных дел Германии Г. Штреземан производил впечатление здравомыслящего политика, который отличался от радикальных немецких реваншистов и выступал за конструктивный диалог по всему кругу послевоенных вопросов [Dutton, 1985: 239].

Однако на этом этапе Великобритания была вынуждена отказать Берлину в двусторонних переговорах в связи с недовольством во Франции темпами и качеством исполнения Германией условий разоружения, о чем французская сторона неоднократно заявляла в кол-

¹⁸ История дипломатии: В 3 т. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. акад. В.П. Потемкина. М.: Государственное издательство политической литературы, 1945. С. 320.

лективных нотах правительств союзников, направляемых немцам¹⁹. Но полного отказа от предложения Берлина по западным границам всё же не было; Лондон счел нужным указать немецким политикам на необходимость привлечения Парижа в процесс обсуждения данного вопроса, на что 9 февраля 1925 г. из Германии последовал ответ в виде меморандума, содержащего обращение к союзникам (Франции, Великобритании, Бельгии) с проектом возможного пакта по закреплению западногерманских границ²⁰. В Париже это предложение восприняли с большим скепсисом, который еще больше усилился после избрания в апреле 1925 г. на пост рейхспрезидента Германской республики генерала П. фон Гинденбурга. Однако когда стало ясно, что в результате этого избрания Г. Штреземан не будет менять свой внешнеполитический курс, и после оказания определенного давления Лондона на Париж Франция согласилась на работу с германскими предложениями [Graml, 2001: 25].

В течение весны и лета 1925 г. между Францией и Великобританией шли интенсивные переговоры, в которых Париж упорно настаивал на предоставлении гарантий границ Польше и Чехословакии, но Лондон оставался непреклонен²¹. Наконец, во время заключительного этапа подготовки нового соглашения по безопасности в Европе на первый план вышли разногласия между Францией и Великобританией по вопросам о потенциальном нарушении Германией ст. 42, 43 Версальского договора и о трактовке того, что подразумевалось под определением «враждебного акта» в отношении границ²².

Французская сторона настаивала на том, что за любым нарушением упомянутых статей должна следовать карательная реакция от всех гарантов протокола. В Лондоне же справедливо считали, что таким образом конфликт может начаться из-за незначительных поводов, в том числе и целенаправленной провокации. Именно поэтому консервативный кабинет настаивал на том, чтобы придать максимально весомое значение понятию «враждебный акт»: «...французы хотели

¹⁹ 'Notevon Alliierten Regierungen'. 05.01.1925 // Michaelis H., Schraepfer E. Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlicher Neuordnung Deutschland in der Gegenwart. 6 Band. Die Weimarer Republik. Die Wende der Nachkriegspolitik 1924–1928. Rapallo-Dawesplan-Genf. Berlin: Dokumenten-Verlag Dr. Herbert Wendler & Co, 1963. S. 317.

²⁰ Ibid. Deutsches Memorandum vom 9. Februar. S. 334.

²¹ История дипломатии: В 3 т. Т. 3. С. 323.

²² NAUK. CAB 23/50. Security. The Proposed Pact. 13.08.1925 // The National Archives. Available at: <https://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab23-interwar-conclusions.htm> (accessed: 02.09.2020).

привести Пакт в действие, если Германия совершит “враждебный акт”, как определено в ст. 44 Версальского договора, то есть если она каким-либо образом нарушит ст. 42 и 43 того же Договора. “Враждебный акт” в том виде, в каком он определен, может включать некое незначительное и техническое нарушение Версальского договора, и британское правительство считает, что Пакт должен вступить в силу только в том случае, если возникнет какая-то серьезная угроза агрессивного характера, которая даст агрессору какое-то явное преимущество»²³.

Завершающий этап переговоров по решению проблемы безопасности в Европе и модернизации Версальской системы начался 5 октября 1925 г. в небольшом городке на юге Швейцарии под названием Локарно. Проведение конференции на территории страны, которая сохраняла нейтральный статус во время Первой мировой войны, было символично. Представителями стран были министры иностранных дел: А. Бриан от Франции, Г. Штреземан от Германии, Э. Бенеш от Чехословакии, А. Скшиньский от Польши, рейхсканцлер Германии Г. Лютер, председатель Совета министров Италии Б. Муссолини и министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен, который стал председателем конференции.

Поскольку основные положения договора были выработаны еще во время предварительных консультаций, вопрос о западных границах Германии не должен был занять много времени. Однако такие сопутствующие проблемы, как ослабление режима оккупации, статус восточных границ и ограничения немецких вооружений, оставались нерешенными. Несмотря на то что А. Бриан пытался оказать давление на германскую делегацию по вопросу восточных границ, добиться успеха ему не удалось. Г. Штреземан четко стоял на позиции отказа от любых гарантий на востоке, как было запланировано еще до конференции [Аршинцева, Глушков, 2005: 9].

В свою очередь германская сторона в ходе переговоров ставила вопросы о снятии количественных ограничений рейхсвера под предлогом неспособности такими небольшими силами (100 тыс. человек) участвовать в поддержании мира в качестве члена Лиги Наций. На это уже А. Бриан ответил категорическим отказом²⁴. Хотя Берлин настаивал, ему было отказано и в гарантиях по срокам вывода оккупационных войск из Кёльнской зоны. Вместо этого, как

²³ Ibid. 05.08.1925 // The National Archives. Available at: <https://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab23-interwar-conclusions.htm> (accessed: 02.09.2020).

²⁴ История дипломатии: В 3 т. Т. 3. С. 362.

отмечалось в отчетах кабинета министров в Лондоне, были даны устные гарантии продвижения этого процесса: «Немцы до последнего момента упорно пытались на конференции добиться обещаний в отношении эвакуации Кёльна и ослабления условий оккупации в Рейнланде. И хотя такое обязательство не может быть дано, было четко указано, что Франция и Великобритания приложат большие усилия к тому, чтобы большинство немецких желаний в этом вопросе были удовлетворены»²⁵.

По окончании конференции 16 октября 1925 г. был парафирован итоговый текст пакта между Германией, Францией и Бельгией, гарантами которого выступали Великобритания и Италия [Трухановский, 1962: 143]. Статья 1 пакта гарантировала статус-кво немецко-французской границы и соблюдение режима ст. 42, 43 Версальского договора. Статьи 2, 3, 4, 5 регулировали процесс решения потенциальных конфликтов, которые могли возникнуть в Рейнской зоне²⁶. Восточным союзникам Франции — Чехословакии и Польши — пришлось довольствоваться лишь арбитражными соглашениями о решении всех возникших спорных вопросов в международном суде.

Обсуждение Локарнских договоров в Палате общин

С точки зрения послевоенного дипломатического климата конференция в Локарно действительно оказалась успешной и произвела большое впечатление на международную общественность, снизив градус напряженности между побежденными и победителями в Первой мировой войне. Появилось выражение «дух Локарно», которое воплощало пацифистские настроения правящих кругов Франции и Великобритании [Duroselle, 1972: 758]. Еще на этапе подготовки документа О. Чемберлен отмечал особую доброжелательную атмосферу при работе со своим французским коллегой А. Брианом, что даже было зафиксировано в стенограммах кабинета министров²⁷. В день обсуждения результатов переговоров в Локарно 18 ноября 1925 г. в Палате общин упоминание его «духа» превысило 25 раз,

²⁵ NAUK. CAB 23/51. Security. The Locarno Conference. 21.10.1925 // The National Archives. Available at: <https://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab23-interwar-conclusions.htm> (accessed: 02.09.2020).

²⁶ Рейнский гарантийный пакт 1925 г. // 1000 ключевых документов. 2020. Доступ: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0003_loc&object=translation&st=&l=ru (дата обращения: 02.09.2020).

²⁷ NAUK. CAB 23/50 Security. The Proposed Pact. 13.08.1925.

а сам О. Чемберлен произнес данное слово около 10 раз, что говорило о действительно большом значении атмосферы на этих переговорах²⁸. Никто из депутатов не поставил под сомнение наличие особого духа примирения.

Положительную реакцию можно было наблюдать и в британских изданиях. В материалах левой «The Guardian» наравне со сдержанной критикой некоторых положений подписанных документов были многочисленные одобрительные отклики на достигнутые в Локарно результаты: «Даже если Локарнские договоры не уберут весь мусор, оставленный Версальским договором, если они содержат определенные пробелы в механизме мирного урегулирования споров <...> было бы неправильно судить о них, сравнивая с чем-то идеальным. Справедливое сравнение — с тем, что было раньше, а не с неизвестным будущим. Судя по этому тексту, Локарнские договоры знаменуют собой огромный прогресс. <...> Впервые после войны можно думать о мире не как о простом воздержании от войны, а как о взаимопонимании и доброй воле между народами»²⁹. Газета также проводила параллели с Версальским миром: «...большинство людей будут чувствовать, что это соглашение, добровольно принятое Германией как справедливое и постоянное, является большей гарантией мира, чем все карательные и исправительные положения Договора [Версальского. — *Е.Х., В.Д.*], вместе взятые. Если это не доказательство морального разоружения, то иных доказательств и быть не может»³⁰.

В правой «The Times» содержались более восторженные оценки результатов Локарнских переговоров: «Причины тревожных чувств теперь устранены, но несомненно, что идея новой эры мира в европейской политике, которая стала возможной благодаря Локарнским соглашениям, гораздо быстрее захватила общественное мнение в Англии, чем во Франции <...> но те, кто во Франции или Германии все еще сомневается в ценности Договора [Рейнского гарантийного пакта. — *Е.Х., В.Д.*], <...> не осознали истинный характер переговоров и совершенно новой атмосферы, в которой они были проведены»³¹. Издание активно и многократно подчеркивало роль Великобритании и конкретно тори в установлении мира в

²⁸ HPDHC. 18.11.1925 // HANSARD 1803–2005. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/nov/18/treaty-of-mutual-guarantee> (accessed: 02.09.2020).

²⁹ The Manchester Guardian. 21.10.1925. P. 8.

³⁰ Ibid. 16.10.1925. P. 8.

³¹ Times. 19.10.1925. P. 12.

Европейском регионе: «И восстановление британского престижа в Европе — не последнее из преимуществ, которые принес Локарно. Два года назад у нас было мало друзей в Европе. Сейчас у нас много сторонников, которые уважают британское имя, потому что оно явно связано с систематической и самоотверженной работой во имя общего мира»³².

В реальности Рейнский гарантийный пакт содержал достаточно серьезные противоречия. Он провозглашал незыблемость границ между Германией и Францией, но не ликвидировал потенциальных разногласий между обеими странами. Наоборот, Германия в нем получала моральную поддержку Великобритании и надежды на дальнейшие послабления режима Версальского договора. Франция могла рассматривать пакт как первый шаг к возвращению Германии в клуб великих держав и военной угрозы с ее стороны. Именно поэтому многие оппозиционные депутаты, прежде всего из стана лейбористов, высказали сомнения в том, что пакт действительно способствует умиротворению в Европе. Лейборист А. Понсонби, бывший заместителем министра иностранных дел в кабинете Дж.Р. Макдональда в 1924 г. и выступавший за принятие пакта, так прокомментировал этот момент: «Причины войн — это не армии, пересекающие границы, и не нарушения договоров. Если уважаемые члены Палаты позволяют себе поразмышлять о войнах прошлого, то они не найдут такого конфликта, который был бы вызван нарушением договора. Как известно, в последней войне убийство эрцгерцога в Сараеве вовсе не было причиной войны. Это был лишь повод. Причины войны, как это можно увидеть в записях лорда Грея, зародились много лет назад и были связаны с психологическим отчуждением одной нации от другой...»³³. Этими словами лейборист призывал к более глубокому, продуманному подходу к решению споров между Францией и Германией, чем элементарная гарантия статус-кво на границах. Однако, проявив оправданный скептицизм, косвенно парламентарий обозначал этим высказыванием слабое место и проекта Женевского протокола, который также не решал бы фундаментальных разногласий между Берлином и Парижем, даже несмотря на наличие универсального механизма арбитража. В то же время А. Понсонби, сам того не желая, подтверждал слова

³² Ibid. 21.10.1925. P. 17.

³³ HPDHC. 18.11.1925. Vol. 188. Col. 472 // HANSARD 1803–2005. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/nov/18/treaty-of-mutual-guarantee> (accessed: 02.09.2020).

министра иностранных дел о важности духа умиротворения, появившегося в Локарно.

Отсылки к довоенной политике лорда Э. Грея, министра иностранных дел Великобритании в 1905–1916 гг., призваны были продемонстрировать, что надеяться на любые частные соглашения, ставящие своей целью предотвращение войны и предоставление каких-либо гарантий одним государством другому, может быть недальновидно и непредусмотрительно. Участник Первой мировой войны лейборист Е. Тюртл, призывая Палату общин голосовать против принятия Рейнского пакта, подчеркивал необходимость возвращения к политике универсальных соглашений, в частности Женевского протокола: «Я категорически против этого Пакта, потому что, на мой взгляд, он с большей вероятностью приведет к войне, чем к миру. Я отказываюсь считать, что любое частичное европейское соглашение, которое основано на силе, даст нам желаемый результат. <...> В конце концов, мы не можем полностью полагаться на искренность секретарей по иностранным делам. Лорд Грей, начав политику Антанты в 1906 г., несомненно, считал, что она будет способствовать не войне, а миру»³⁴. Очевидно, что для некоторых депутатов комплекс Локарнских соглашений выглядел как очередной союз, решавший лишь сугубо тактические задачи. Слова Е. Тюртла лишний раз акцентировали общую позицию лейбористов о том, что стратегическим решением вопроса европейской безопасности может быть только всеобъемлющее соглашение.

О. Чемберлен, выступая на дебатах по поводу восточных границ Германии, указал, что Великобритания не может давать гарантии в регионах, не представляющих для нее жизненно важных интересов: «Договоры, подписанные между Польшей и Германией, Чехословакией и Германией, естественно, не могли быть точно такими же, как те, которые были подписаны западными странами. Великобритания не готова принять какие-либо новые обязательства в этой части мира»³⁵. Однако он выразил искреннюю надежду на то, что достигнутые арбитражные соглашения будут основой для предотвращения войн на германско-польской и германско-чехословацкой границе.

Статьи пакта, касавшиеся Рейнской демилитаризованной зоны, несмотря на свою внешнюю однозначность, также не избежали критики. Разногласия по этой проблеме между Францией и Великобританией, возникшие при подготовке Локарнских соглашений,

³⁴ Ibid. Col. 501.

³⁵ Ibid. Col. 430.

теперь вызывали вопросы у парламентариев. Например, определение «враждебных актов». Согласно ст. 2 стороны обязывались отказаться от нападения и вторжения на территорию друг друга. В разряд актов агрессии включались в том числе любые нарушения ст. 42, 43 Версальского договора. Закономерно вставал вопрос, что можно понимать под агрессией в ситуации, когда речь шла о территории, на которой «страна-хозяйка» не обладает полным суверенитетом в своих действиях? Рурский кризис 1923 г. наглядно показал, что Франция готова применять силу для дальнейшего усиления своего влияния в Европе, в том числе против уже ослабленной Германии. Гаранты пакта, Великобритания и Италия, могли вполне справедливо предполагать, что Париж может пойти либо на провокацию, либо на фальсификацию нарушений условий ст. 42, 43 Версальского договора. Взятые же на себя Великобританией обязательства потенциально вынуждали Лондон либо начать войну против Германии, либо втянуться в международное расследование.

Определение «актов агрессии» действительно было одним из слабых мест пакта, однако консерваторы оставили без внимания указание на это со стороны оппозиции. Сам О. Чемберлен в начале дебатов, затронув эту тему, косвенно дал понять: вопрос, что именно будет «актом агрессии», а что нет, всё же будет решаться правительствами стран — участниц пакта. В самом же тексте документа этот момент был обыгран в виде «совместных консультаций» перед каким-либо действием вследствие нарушения прописанных в соглашениях условий. О. Чемберлен отмечал: «Было бы чудовищным преступлением против человечности, если бы причиной немедленного начала войны стало незначительное или пускай даже серьезное нарушение положений о демилитаризации. Предположим, укрепление возведено. Это является нарушением Договора [Версальского. — *Е.Х., В.Д.*]. Но подобные вещи не могут быть сделаны за один день. Тот факт, что несколько рабочих начали там свои работы, не должен являться поводом для войны»³⁶. Европейскую безопасность О. Чемберлен понимал именно как свободу Великобритании в принятии решения о том, когда и где она должна применять свои вооруженные силы, в том числе даже в рамках таких четких обязательств, как в Рейнском гарантийном пакте. Нам представляется, что любые строительные работы в демилитаризованной зоне были бы восприняты Парижем как грубое нарушение и повод к началу войны, в то время как Лондон (что видно из слов О. Чемберлена) так бы не считал.

³⁶ Ibid. Col. 429.

При обсуждении Рейнского пакта всплывали те же разногласия, что и в дебатах по Женевскому протоколу. Дж.Р. Макдональд, обращая внимание на уязвимые места нового договора, указывал на необходимость более широкого по своему охвату документа: «...когда мы смотрим на карту Европы и видим, какие районы и какие проблемы охватываются Локарнским пактом, нам становится очевидно, насколько они ограничены и какая огромная внутренняя часть военных рисков до сих пор остается нетронутой»³⁷. Однако подобные высказывания нужно воспринимать с определенной долей скептицизма. Как упоминалось ранее, сам Дж.Р. Макдональд в свое время негативно отнесся к проекту Женевского протокола, механизмы которого имели намного более широкий охват, нежели Локарнские соглашения. Было также достаточно оснований полагать, что премьер-министр от лейбористов сам навряд ли бы принял протокол в том виде, в каком он был представлен на Ассамблее Лиги Наций осенью 1924 г. [Kitching, 2011: 1419].

Однако теперь, когда лейбористы находились в оппозиции, Дж.Р. Макдональд мог транслировать не свойственные ему достаточно идеалистические взгляды на внешнюю политику, тем самым солидаризируясь с радикальной частью своей партии, приверженной идеям сильной Лиги Наций. Подобная несколько искусственная позиция, вероятно, имела цель сплотить ряды оппозиционной партии и дискредитировать курс консервативного кабинета, заработав на этом политические очки. На фоне провала Женевского протокола неудивительно, что лейбористы часто ссылались на него как на упущенную возможность решения всех проблем безопасности [Kitching, 2011: 1418–1419].

Как и во время дебатов по Женевскому протоколу, вопрос о безопасности и арбитраже был тесно увязан с проблемами разоружения. Лейборист А. Понсонби акцентировал внимание именно на этом моменте: «Соглашаясь на ратификацию Договора о взаимной гарантии, парафированного в Локарно 16 октября 1925 г., и его арбитражных приложений, я считаю необходимым всё же заявить, что реальное испытание Договора зависит от того, последует ли за ним разоружение, и мне досадно, что в Договоре нет положений о нем»³⁸. Недостаток Локарнских соглашений в вопросе разоружения понимал и сам О. Чемберлен, отразив это в своем вступительном слове к прениям: «Предполагается, что наша работа была неполной,

³⁷ Ibid. Col. 443.

³⁸ Ibid. Col. 466.

поскольку среди документов, инициированных в Локарно, не было ни одного, который предусматривал бы общее разоружение. Это правда, но Локарно было не тем местом, и мы, собравшиеся там, не были компетентны в одиночку разрабатывать эту схему всеобщего разоружения. То, что мы сделали, — дали новую гарантию мира и безопасности многим странам, которые чувствуют себя наиболее уязвимыми и незащищенными»³⁹.

Дж.Р. Макдональд в свою очередь отметил, что Рейнский пакт без дополнительных документов о разоружении — намного более ненадежный проект, чем Женевский протокол: «Если мы не сможем прийти к соглашению в области разоружения, то наш риск в соответствии с этим Пактом, по сути, действительно выше, чем наш риск в соответствии с Протоколом [Женевским. — *Е.Х., В.Д.*]. Разоружение является единственным условием, при котором наша безопасность надежна в соответствии с Локарнским пактом»⁴⁰. Депутат-лейборист Ч. Тревелиян вторил этим словам: «Согласно этому Пакту лишь четыре или пять стран имеют гарантии безопасности своих границ, в то время как другие государства таких гарантий не имеют, тем не менее их пытаются побудить к разоружению. Только всесторонняя безопасность может придать импульс разоружению...»⁴¹.

Консерваторы, парируя эти упреки, обращали внимание на то, что в данный момент целесообразнее всего обеспечить безопасность границ в Европе, а именно в самом потенциально взрывоопасном месте — на франко-германской границе, а лишь потом пытаться вести переговоры о разоружении. Навязывание же этой темы, как отмечал бывший дипломат и участник Первой мировой войны консерватор Д. Купер, не могло дать никаких результатов из-за отсутствия гарантий безопасности: «Те, кто являются такими искренними любителями мира, подходят к этому вопросу с неправильной точки зрения, поскольку они стремятся добиться мира путем разоружения, вместо того чтобы поощрять чувство безопасности, которое приведет к политике разоружения. Я не думаю, что конференции по разоружению принесут пользу, пока у вас есть люди, чувствующие, <...> что их соседи могут прибегнуть к войне»⁴². Консерваторы воспринимали обязательства по сокращению вооружений такими же опасными и рискованными, как гарантия границ мало интере-

³⁹ Ibid. Col. 422.

⁴⁰ Ibid. Col. 443.

⁴¹ Ibid. Col. 530–532.

⁴² Ibid. Col. 459.

совавших в тот момент Лондон государств. В условиях глобального ослабления Британской империи разоружение могло означать лишь дополнительное снижение военного потенциала британской армии, а не защиту ее национальных интересов.

К тому же, как подметил один из депутатов-тори, положение о разоружении уже содержалось в Уставе Лиги Наций, и оставалось лишь создать условия для его исполнения: «Укрепляя мир и безопасность в Европе, он [Рейнский пакт. — *Е.Х., В.Д.*] будет эффективно содействовать разоружению, предусмотренному в статье 8 Устава Лиги Наций...»⁴³.

В итоге лейбористы, столкнувшись с рассогласованностью в собственных рядах и невозможностью на практике реализовать свои программные обещания, что наглядно проявилось в провале Женевского протокола, были вынуждены поддержать Локарнские соглашения в том виде, в каком они были достигнуты. Это не означало, что процесс разоружения ушел с мировой повестки: Лейбористская партия справедливо могла требовать дополнительные соглашения по сокращению вооружений в будущем. И консерваторам, которые в ходе дебатов указывали, что они смогли добиться безопасности в Европе «малыми усилиями», приходилось с этим считаться.

Важной частью Рейнского пакта были ст. 2, 3 и 4 о взаимных обязательствах подписантов по обеспечению безопасности границ на Рейне⁴⁴. Согласно им стороны обязывались не предпринимать друг против друга актов военной агрессии, а в случае возникновения таковой должны были обратиться в арбитраж, а затем оказать пострадавшей стороне военную и иную помощь. В этом контексте возникал вопрос, нуждается ли Франция в военной помощи Великобритании в случае конфликта с разоруженной Германией. Ситуация складывалась таким образом, что держава с самой большой армией в Западной Европе, двумя годами ранее решившаяся на прямое вторжение в Рур, получала гарантии военной помощи. Соответственно у ряда оппозиционных депутатов возникал вопрос о целесообразности этого шага со стороны гарантов пакта, прежде всего Великобритании, и о том, имеет ли Берлин в свою очередь право на такую помощь в защите от агрессии Парижа. Например, депутат от Свободной рабочей партии Р. Валлхэд прямо указывал на

⁴³ Ibid. Col. 493.

⁴⁴ Рейнский гарантийный пакт 1925 г. Статьи 2–4 // 1000 ключевых документов. 2020. Доступ: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0003_loc&object=translation&st=&l=ru (дата обращения: 02.09.2020).

потенциальную опасность именно Франции, а не Германии: «...Гарантируем ли мы безопасность Германии, которая по Версальскому договору полностью разоружена, от агрессии со стороны Франции и ее союзников и не останемся ли мы потом наедине с величайшей военной силой Европы?»⁴⁵. Подобные вопросы возникали и у представителей Лейбористской партии. Например, Е. Тюртл высказал сомнения в необходимости военной помощи Франции как таковой: «Предположим, Франция столкнулась с безоружной Германией, ей вряд ли потребуется от нас очень большая военная помощь»⁴⁶. Германию в британских политических и военных кругах считали в то время объективно не способной пойти на военную агрессию против Франции, а предполагаемый период восстановления ее военных возможностей оценивали в 50 лет [Демидов, 2017: 106].

О. Чемберлен проигнорировал эти вопросы в своем заключительном выступлении. Вероятно, это было связано с тем, что в начале дебатов он четко выразил свою позицию по данному пункту во время вступительной речи и ответа на вопросы Дж.Р. Макдональда по этому поводу: «Обязательства Франции перед Германией идентичны обязательствам Германии перед Францией. То же самое верно для Бельгии и Германии. Обязательства гарантирующих держав, Италии и Великобритании, являются такими же для Германии, как и для Франции или для Бельгии. Таким образом, это не договор, направленный одной группой держав против какой-либо державы или группы держав, а взаимное соглашение о гарантиях между заинтересованными державами, направленное на сохранение мира на их границах и между собой. <...> Хотя, несомненно, правительство Италии и наше будут при таких обстоятельствах обмениваться мнениями, решение остается за каждым конкретным правительством»⁴⁷. О. Чемберлен еще раз давал понять, что в рамках Рейнского пакта у обеих держав-гарантов остается свобода действий, которая максимально снижала риски вовлечения в неоправданный конфликт и минимизировала опасность провокаций французской и немецкой сторон в Рейнской демилитаризованной зоне. Причем в этой связке гарантов ведущую роль играла более опытная дипломатия Лондона,

⁴⁵ HPDHC. 18.11.1925. Vol. 188. Col. 516 // HANSARD 1803–2005. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/nov/18/treaty-of-mutual-guarantee> (accessed: 02.09.2020).

⁴⁶ Ibid. Col. 505.

⁴⁷ Ibid. Col. 426–428.

что ставило всю систему безопасности Западной Европы в прямую зависимость от решений британских политиков.

Заметим, что уже в 1930-х годах, когда Германия начала ревизию всех условий Версальского договора, подход к обязательствам по Локарнским соглашениям идеологов политики умиротворения С. Болдуина и его команды был таковым, что военную помощь Великобритания была готова оказать лишь при прямом нападении на Францию, а в случае отказа Германии соблюдать режим демилитаризации никакой военной реакции вовсе не предполагалось. Неслучайно ряд исследователей выводят истоки политики умиротворения из Локарнской системы [Jacobson, 1972b: 45–50].

Другая проблема заключалась в том, что по результатам конференции в Локарно оставалось неясно, какие именно споры между подписавшими арбитражные конвенции могут быть рассмотрены в суде, а какие нет. Во время дебатов по Рейнскому гарантийному пакту, отвечая на вопросы Д. Ллойда Джорджа о возможном пересмотре границ⁴⁸, установленных Версальским договором, О. Чемберлен выражался крайне расплывчато и всячески пытался уйти от прямого ответа. С одной стороны, он заявлял: «Мы не могли прийти к согласию о том, должны ли все прошлые споры и конфликты быть предметом рассмотрения арбитража. Единственное, что нам оставалось сделать, — это опустить занавес на прошлое...»⁴⁹. С другой стороны, шестью месяцами ранее на дебатах по Женевскому протоколу он более четко выразил свою точку зрения в ответ на вопрос Д. Ллойда Джорджа о возможности пересмотра восточных границ: «Германия признает, что отказывается от идеи военного пересмотра границ на востоке. Но она не оставляет надежду на то, чтобы однажды изменить некоторые из положений [Версальского договора. — *Е.Х., В.Д.*] путем дружественных переговоров, дипломатической процедуры или, насколько я знаю, путем использования добрых услуг Лиги Наций»⁵⁰. О. Чемберлен видел возможным или скорее неизбежным пересмотр границ Веймарской республики, утверждая, что они являются частью публичного права Европы,

⁴⁸ Ibid. Col. 450.

⁴⁹ Ibid. Col. 526.

⁵⁰ Ibid. 24.03.1925. Vol. 182. Col. 319 // HANSARD 1803–2005. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/24/geneva-protocol> (accessed: 02.09.2020).

а значит, могут быть подвергнуты рассмотрению в международном арбитраже⁵¹.

Тот факт, что переговоры в Локарно проводились в традиционном формате между странами, а не на платформе Лиги Наций в Женеве, неизбежно указывал на принижение роли последней. Дж.Р. Макдональд, будучи сторонником Лиги как основного места для международных переговоров, предрекал, что пакт нанесет ущерб репутации данной организации, а в качестве выхода из этой ситуации предлагал в будущем в случае любого спорного момента обращаться в арбитраж и тем самым на примере Великобритании показать всем остальным нациям, насколько велик авторитет Лиги: «Основным условием формирования устойчивого, постоянно действующего морального авторитета Лиги Наций является то, что ни одно соглашение, ни один договор, ни один пакт не должны быть заключены какой-либо страной Европы, верной Лиге Наций, кроме как под эгидой Лиги. Лига должна участвовать в переговорах, а не только упоминаться в окончательном результате, и поэтому, я думаю, с этой точки зрения Пакт может иметь неудачный результат. <...> Я считаю, когда возникнут спорные вопросы, связанные с нами, мы несем ответственность за то, чтобы сразу передать эти дела в арбитраж укрепленной Лиги Наций, тем самым покажем остальным странам, что война является более неприемлемой»⁵².

Дебаты по Рейнскому гарантийному пакту и арбитражным соглашениям закончились, несмотря на критику, убедительной победой тори: 375 за, 13 против. Это означало, что при всех разногласиях между консерваторами и лейбористами по поводу роли Лиги Наций и процесса разоружения в целом был достигнут межпартийный консенсус по устройству системы безопасности в Европе. Если Женевский протокол вызывал недоверие как среди оппозиционных на тот момент консерваторов, так и внутри самих лейбористов, то в случае с Рейнским пактом тори удалось убедить оппонентов в соответствии документа национальным интересам страны. Несмотря на все перечисленные разногласия, взгляды депутатов Палаты общин в целом сходились по ряду вопросов, таких как необходимость ослабления давления Версальского договора на Берлин, готовность к

⁵¹ Ibid. 18.11.1925. Vol. 188. Col. 527 // HANSARD 1803–2005. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/nov/18/treaty-of-mutual-guarantee> (accessed: 02.09.2020).

⁵² Ibid. Col. 446–447.

рассмотрению вхождения Германии в Лигу Наций, ограниченный характер военных обязательств в Европе.

Реакция прессы носила благожелательный характер. «The Times» отметила единение депутатов по вопросам внешней политики и соглашений в Локарно, подчеркнув правильность курса консервативного кабинета С. Болдуина и относительно формальный характер критики со стороны оппозиционных депутатов: «Вчера не было реального расхождения во взглядах по существу. Внесение поправок и исправлений было скорее попыткой искусственно придать партийный оттенок национальным пожеланиям, <...> на этот раз британское правительство сделало то, что найдет глубокое одобрение в народе»⁵³.

Подобные оценки нашли отражение и на страницах «The Guardian», в которой, однако, с большим вниманием воспринималось внесение поправок: «Никогда не было никаких сомнений в том, что Локарнский договор будет ратифицирован парламентом. Но либеральные и лейбористские поправки к резолюции в пользу ратификации, внесенные вчера вечером г-ном Чемберленом, не были придирчивыми. Они не должны были представлять ни малейшей угрозы Локарнскому договору, который пользуется сердечной поддержкой всех сторон, но должны были выражать отношение к нему, которое, возможно, не совсем соответствует позиции правительства. Как либеральные, так и лейбористские поправки предполагали, что хотя Локарнский договор был прекрасен сам по себе, он был лишь отправной точкой для улучшения [международной. — *Е.Х., В.Д.*] обстановки»⁵⁴.

Комплекс Локарнских соглашений давал понять Германии, что возможны дальнейшие послабления Версальского режима. Для Веймарской республики подписанный пакт стал знаковым документом в ее внешней политике, обозначив возможность более тесного англо-германского сближения (особенно после Рурского кризиса 1923 г.) и мирного встраивания в созданный европейский порядок.

* * *

Рейнский гарантийный пакт, хотя и был неоднозначно воспринят британским политическим истеблишментом, стал водоразделом в европейской политике страны. Достигнутые в Локарно соглашения действительно можно рассматривать как важнейшее дополнение

⁵³ Times. 19.11.1925. P. 17.

⁵⁴ The Manchester Guardian. 19.11.1925. P. 10.

Версальской системы безопасности и даже как качественно новый этап в развитии международных отношений межвоенного периода. После 1925 г., в отличие от первых послевоенных лет, появились инструменты, гарантировавшие исполнение достигнутых договоренностей, в рамках которых все стороны добровольно, на равных давали свое согласие на отказ от войны против друг против друга и на совместную реакцию против нарушений условий договора. В сравнении с предыдущим проектом коллективной безопасности — Женевским протоколом 1924 г. — этот документ имел намного меньше рисков, так как ограничивал практическое применение принципов Лиги Наций лишь Центральной Европой, прежде всего западногерманской границей. Это снимало с Лондона ответственность за возможную напряженность между Германией, Польшей и Чехословакией.

Интеграция Веймарской республики в механизмы безопасности послевоенного устройства способствовала уходу от кризисного и турбулентного состояния в отношениях между Лондоном, Парижем и Берлином, самым ярким проявлением которого стала оккупация Рурского бассейна в 1923 г. В рамках Локарнских соглашений был решен ряд важнейших вопросов, препятствовавших стабилизации международной системы с самого заключения Версальского договора: по-прежнему испытывавшая страх перед своим восточным соседом Франция получала, хотя и с оговорками, необходимые ей гарантии британской военной помощи; Соединенному Королевству удалось ограничить чрезмерное распространение французского влияния на Центральную Европу и дать немецкой экономике возможность для восстановления, что было в интересах британской промышленности; немецкие политики в свою очередь смогли вернуть свою страну в круг великих держав и создать лазейки для пересмотра восточногерманских границ. Урегулирование этих проблемных точек Версальского миропорядка в совокупности с «планом Дауэса» вывело послевоенное развитие международных отношений в Европе из очевидного тупика и было де-факто мирным пересмотром значительной части решений Парижской конференции 1919 г.

Десятилетие после переговоров в Локарно правомерно назвать временем стабильности и относительного спокойствия на внешнеполитическом ландшафте Западной Европы, ярким контрастом по отношению к первым годам после Версальского мира.

В последующий период Локарнский договорный комплекс фигурировал в правительственных документах Великобритании как самостоятельный международный механизм (Локарнская система),

касавшийся регулирования европейских дел. Версальская система в повестке дня заседаний кабинета даже не упоминалась. Именно посредством Локарно британская дипломатия стремилась решать наиболее болезненные вопросы безопасности, рассматривая ее как усовершенствование Версальской системы, инструмент интеграции и сдерживания Германии и средство для продолжения политики «силового равновесия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аршинцева О.А. Великобритания и проблема стабилизации Версальского миропорядка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2. № 3 (63). С. 157–162.
2. Аршинцева О.А., Глушков А.Е. Локарно, 80 лет назад // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 4 (38). С. 7–11.
3. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002.
4. Бозванова С.В. Германская проблема в международных отношениях после Первой мировой войны // Запад и Восток: история и перспективы развития: Сборник статей 30-й юбилейной международной научно-практической конференции / Под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань, 2019. С. 116–119.
5. Демидов С.В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя войнами // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII–XX веков. Рязань, 2017. С. 98–136.
6. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2016.
7. Коростелев С.В. Правовое регулирование применения силы в международных отношениях в период действия Статута Лиги Наций // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2010. № 3 (39). С. 86–94.
8. Курганский А.А. Польша во внешней политике Великобритании в межвоенный период (опыт контент-анализа парламентских дебатов) // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2015. № 9. С. 94–100.
9. Магадеев И.Э. Взаимодействие Великобритании и Франции в сфере безопасности в 1920-е годы: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012.
10. Магадеев И.Э. Германская политика Парижа в 20-е годы XX века в свете уроков Первой мировой войны // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4 (37). С. 35–44.
11. Магадеев И.Э. Ревизионизм «в обе стороны»: Версальский мирный договор и внешняя политика Франции в 1920-е гг. // Первая мировая война, Версальская система и современность. СПб., 2017. С. 283–286.

12. Морозов С.В. К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на восток // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 84–88.
13. Портнягин Д.И. Британская дипломатия на Парижской конференции 1919 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2009. № 3. С. 162–169.
14. Сагалова А.Л. Лига Наций в теории и практике британских лейбористов // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в новое и новейшее время. Ишим, 2012. С. 197–203.
15. Сагимбаев А.В. Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации. М.: ЦИОГНИС, 2018.
16. Системная история международных отношений: В 2 т. / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Культурная революция, 2006.
17. Слепов В.А. К вопросу о влиянии Локарнской конференции на развитие международных отношений в 1920-е гг. // Запад и Восток: перспективы развития. Рязань, 2019. С. 213–218.
18. Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939 гг.). М.: Издательство Института международных отношений, 1962.
19. Bourne J.M. Britain and the Great War. 1914–1918. New York: E. Arnold, 1989.
20. Cohrs P. The unfinished peace after World War I. America, Britain and the stabilization of Europe, 1919–1932. New York: Cambridge University Press, 2006.
21. Duroselle J.B. The spirit of Locarno: Illusions of pactomania // Foreign Affairs. 1972. Vol. 50. No. 4. P. 752–764.
22. Dutton D. Austen Chamberlain: Gentleman in politics. New Jersey: Transaction Publishers, 1985.
23. Graml H. Zwischen Stresemann und Hitler: Die Außenpolitik der Präsidialkabinette Brüning, Papen und Schleicher. München: Oldenburg Wissenschaftsverlag GmbH, 2001.
24. Jacobson J. The conduct of Locarno diplomacy // The Review of Politics. 1972. Vol. 34. No. 1. P. 67–81.
25. Jacobson J. Locarno diplomacy: Germany and the West, 1925–1929. New York: Princeton University Press, 1972.
26. Johnson G. ‘Das Kind’ revisited: Lord d’Abernon and German security policy, 1922–1925 // Contemporary European History. 2000. Vol. 9. No. 2. P. 209–224.
27. Johnson G. Lord d’Abernon, Austen Chamberlain and the origin of the Treaty of Locarno. School of Advanced Study. University of London, 2000. Available at: <https://sas-space.sas.ac.uk/3386/> (accessed: 19.04.2020).
28. Kennedy P. The realities behind diplomacy. Background influences on British external policy, 1865–1980. London: Fontana Press, 1985.

29. Kennedy P. The tradition of appeasement in British foreign policy 1865–1939 // *British Journal of International Studies*. 1976. Vol. 2. No. 3. P. 195–215.
30. Kitching C.J. Prime minister and foreign secretary: The dual role of James Ramsay MacDonald in 1924 // *Review of International Studies*. 2011. Vol. 37. No. 3. P. 1403–1422.
31. Matzke R.B. Deterrence through strength: British naval power and foreign policy under Pax Britannica. Lincoln: University of Nebraska Press, 2011.
32. Schroeder P.W. The transformation of European politics, 1763–1848. Oxford: Clarendon Press, 1996.
33. Steiner Z. The lights that failed. Oxford: Oxford University Press, 2005.
34. Thimme A. Die Locarnopolitik im Lichte des Stresemann-Nachlasses // *Zeitschrift für Politik*. 1956. Vol. 3. No. 1. P. 42–63.
35. Weiß N. Vor achtzig Jahren: Konferenz und Vertragswerk von Locarno // *Die Friedens-Warte*. 2006. Vol. 81. No. 2. P. 101–119.
36. Winkler H.R. British Labour seeks a foreign policy, 1900–1940. New Brunswick: Transaction Publishers, 2005.
37. Winkler H.R. Paths not taken: British Labour and international policy in the 1920s. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1994.
38. Wright J. Locarno: A democratic peace? // *Review of International Studies*. 2010. Vol. 36. No. 2. P. 391–411.

E.V. Khakhalkina, V.S. Dzyuba

**LOCARNO TREATIES (1925) IN THE CONTEXT
OF THE VERSAILLES SYSTEM TRANSFORMATION
AS SEEN FROM LONDON**

*National Research Tomsk State University
36, Lenin av., Tomsk, 634050*

This paper is an attempt to reassess the role of the Locarno Treaties (1925) in terms of the Versailles-Washington system of international relations evolution. The authors argue that the Locarno Treaties represent one of the turning points in the development of the international order after World War I. The Treaties were not a mere add-on to the Versailles system, in fact, they had replaced it and became the main legal instrument for maintaining security in the region. In order to test this hypothesis and provide a better understanding of how the contemporaries themselves assessed these agreements, the authors examine them within a broader context of debates on the European security issues, which took place in the 1920s.

The views of the British elites on this matter are of particular interest here, since it was the British diplomacy that was at the origin of the Locarno Conference in 1925. The paper draws on a wide range of recently declassified archival documents, as well as on the materials of the debates in the House

of Commons and publications in the leading British newspapers. It allows the authors to trace the evolution of approaches by the main British political parties to security issues in Europe. A systematic comparison of views of the Conservative and the Labour party representatives on the Geneva Protocol and the Rhineland Pact shows that by mid-1920s the British political elites advocated for an in-depth transformation of the Versailles order, particularly, through the development of an effective mechanism for maintaining international security. On that basis a broad political consensus had arisen, which led to the formation of a new two-party structure (Tory-Labour) after World War I.

The study begins with an overview of the political situation in Europe and in Great Britain in the early 1920s. Then, it examines the Labour Party's draft of the Disarmament Protocol, as well as the principal causes of its failure. Finally, the paper covers the preparatory process for and the progress of the Locarno negotiations. Special attention is paid to the debates in the House of Commons on the conference, particularly, on its outcome document - the Rhineland Pact.

Keywords: Locarno Conference 1925, Great Britain, France, the German problem, Geneva Protocol, Rhineland Pact, Versailles-Washington system of international relations, arbitration, disarmament, appeasement.

About the authors: *Elena V. Khakhalkina* — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor at the Chair of the Modern and Contemporary History and International Relations, School of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University (e-mail: ekhakhalkina@mail.ru); *Vladislav S. Dzyuba* — Master's Degree Student at the Chair of the Modern and Contemporary History and International Relations, School of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University (e-mail: vlad1996tomsk@gmail.com).

REFERENCES

1. Arshintseva O.A. 2015. Velikobritaniya i problema stabilizatsii Versal'skogo miroporyadka [Great Britain and the problem of stabilization of Versailles international order in the first half of the 1920s]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 2, no. 3-2 (63), pp. 157–162. (In Russ.)
2. Arshintseva O.A., Glushkov A.E. 2005. Lokarno, 80 let nazad [Locarno, 80th years ago]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (38), pp. 7–11. (In Russ.)
3. Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. 2002. *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii* [Essays on theory and methodology of political analysis of international relations]. Moscow, NOFMO Publ. (In Russ.)
4. Bozvanova S.V. 2019. Germanskaya problema v mezhdunarodnykh otnosheniyakh posle Pervoi mirovoi voiny [The German problem in international

relations after the First World War]. In Erlikhson I.M., Savosina Yu.V., Losev Yu.I. (eds.). *Zapad i Vostok: istoriya i perspektivy razvitiya* [The West and the East: History and development prospects]. Ryazan', pp. 116–119. (In Russ.)

5. Demidov S.V. 2017. Vneshnyaya politika i diplomatiya Velikobritanii mezhdu dvumya voynami [Foreign policy and diplomacy of Great Britain between the two wars]. In *Aktual'nye problem istorii Velikobritanii XVII–XX vekov* [Current problems of history of Great Britain, XVII–XXth centuries]. Ryazan', pp. 98–136. (In Russ.)

6. Kapitonova N.K., Romanova E.V. 2016. *Istoriya vneshnei politiki Velikobritanii* [History of the foreign policy of Great Britain]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

7. Korostelev S.V. 2010. Pravovoe regulirovanie primeneniya sily v mezhdunarodnykh otnosheniyakh v period deistviya Statuta Ligi Natsii [Legal regulation of the use of force in international relations during the Statute of the League of Nations]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Aktual'nye problem gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, no. 3 (39), pp. 86–94. (In Russ.)

8. Kurganskii A.A. 2015. Pol'sha vo vneshnei politike Velikobritanii v mezhoennyi period (opyt kontent-analiza parlamentskikh debatov) [Poland in the foreign policy of Great Britain during the interwar period (content analysis of the parliamentary debates)]. In *Retrospektiva: vseмирnaya istoriya glazami molodykh issledovatelei* [Retrospective: World history through the eyes of young researchers], no. 9, pp. 94–100. (In Russ.)

9. Magadeev I.E. 2012. *Vzaimodeistvie Velikobritanii i Frantsii v sfere bezopasnosti v 1920-e gody* [Franco-British security cooperation in the 1920s]. PhD Thesis. (In Russ.)

10. Magadeev I.E. 2014. Germanskaya politika Parizha v 20-e gody XX veka v svete urokov Pervoi mirovoi voyny [Relations between Paris and Berlin in the 1920s in light of the First World War]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 4 (37), pp. 35–44. (In Russ.)

11. Magadeev I.E. 2017. Revizionizm 'v obe storony': Versal'skii mirnyi dogovor i vneshnyaya politika Frantsii v 1920-e gg. ['Two-sided' revisionism: Versailles treaty and French foreign policy in 1920–1923]. In *Pervaya mirovaya voyna, Versal'skaya Sistema i sovremennost'* [World War I, Versailles system and modernity]. Saint Petersburg, pp. 283–286. (In Russ.)

12. Morozov S.V. 2016. K voprosu o sozdanii v 1925 g. pravovogo mekhanizma 'podtalkivaniya' Germanii na vostok [On the creation of a legal mechanism for 'pushing' Germany to the East in 1925]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 412, pp. 85–88. (In Russ.)

13. Portnyagin D.I. 2009. Britanskaya diplomatiya na Parizhskoi konferentsii 1919 g. [British diplomacy at the Paris Peace Conference of 1919]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 162–169. (In Russ.)

14. Sagalova A.L. 2012. Liga Natsii v teorii i praktike britanskikh leiboristov [League of Nations in the theory and practice of British Labour]. In *Aktual'nye*

problemy istorii i istoriografii stran Zapadnoi Evropy i Ameriki v novoe i noveishee vremya [Current problems of history and historiography of the US and Western European countries in modern and contemporary times]. Ishim, pp. 197–203. (In Russ.)

15. Sagimbaev A.V. 2018. *Kolonial'naya politika Velikobritanii v mezhvoennyi period: prichiny i osobennosti transformatsii* [British colonial policy in the interwar period: The causes and features of transformation]. Moscow, CIOGNIS Publ. (In Russ.)

16. Bogaturov A.D. (ed.). *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii* [The systemic history of international relations]. 2006. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ. (In Russ.)

17. Slepov V.A. 2019. K voprosu o vliyanii Lokarnskoi konferentsii na razvitiye mezhdunarodnykh otnoshenii v 1920-e gg. [On the impact of Locarno conference on the development of international relations in the 1920-s]. In *Zapad i Vostok: istoriya i perspektivy razvitiya* [The West and the East: History and development prospects]. Ryazan', pp. 213–218. (In Russ.)

18. Trukhanovskii V.G. 1962. *Vneshnyaya politika Anglii na pervom etape obshchego krizisa kapitalizma (1918–1939 gg.)* [Foreign policy of England at the first stage of the general crisis of capitalism (1918–1939)]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii Publ. (In Russ.)

19. Bourne J.M. 1989. *Britain and the Great War. 1914–1918*. New York, E. Arnold.

20. Cohrs P. 2006. *The unfinished peace after World War I. America, Britain and the stabilization of Europe, 1919–1932*. New York, Cambridge University Press.

21. Duroselle J.B. 1972. The spirit of Locarno: Illusions of pactomania. *Foreign Affairs*, vol. 50, no. 4, pp. 752–764.

22. Dutton D. 1985. *Austen Chamberlain: Gentleman in politics*. New Jersey, Transaction Publishers.

23. Graml H. 2001. *Zwischen Stresemann und Hitler: Die Außenpolitik der Präsidialkabinette Brüning, Papen und Schleicher*. München, Oldenburg Wissenschaftsverlag GmbH.

24. Jacobson J. 1972a. The conduct of Locarno diplomacy. *The Review of Politics*, vol. 34, no. 1, pp. 67–81.

25. Jacobson J. 1972b. *Locarno diplomacy: Germany and the West, 1925–1929*. New York, Princeton University Press.

26. Johnson G. 2000a. 'Das Kind' revisited: Lord d'Abernon and German security policy, 1922–1925. *Contemporary European History*, vol. 9, no. 2, pp. 209–224.

27. Johnson G. 2000b. *Lord d'Abernon, Austen Chamberlain and the origin of the Treaty of Locarno*. Electronic Journal of International History (2). School of Advanced Study. University of London. Available at: <https://sas-space.sas.ac.uk/3386/> (accessed: 19.04.2020).

28. Kennedy P. 1985. *The realities behind diplomacy. Background influences on British external policy, 1865–1980*. London, Fontana Press.
29. Kennedy P. 1976. The tradition of appeasement in British foreign policy 1865–1939. *British Journal of International Studies*, vol. 2, no. 3, pp. 195–215.
30. Kitching C.J. 2011. Prime minister and foreign secretary: The dual role of James Ramsay MacDonald in 1924. *Review of International Studies*, vol. 37, no. 3, pp. 1403–1422.
31. Matzke R.B. 2011. *Deterrence through strength: British naval power and foreign policy under Pax Britannica*. Lincoln, University of Nebraska Press.
32. Schroeder P.W. 1996. *The transformation of European politics, 1763–1848*. Oxford, Clarendon Press.
33. Steiner Z. 2005. *The lights that failed*. Oxford, Oxford University Press.
34. Thimme A. 1956. Die Locarnopolitik im Lichte des Stresemann-Nachlasses. *Zeitschrift für Politik*, vol. 3, no. 1, pp. 42–63.
35. Weiß N. 2006. Vor achtzig Jahren: Konferenz und Vertragswerk von Locarno. *Die Friedens-Warte*, vol. 81, no. 2, pp. 101–119.
36. Winkler H.R. 2005. *British Labour seeks a foreign policy, 1900–1940*. New Brunswick, Transaction Publishers.
37. Winkler H.R. 1994. *Paths not taken: British Labour and international policy in the 1920s*. Chapel Hill, University of North Carolina Press.
38. Wright J. 2010. Locarno: A democratic peace? *Review of International Studies*, vol. 36, no. 2, pp. 391–411.